

*Моя
прекрасная
леди*

ЕВГЕНИЯ МАРЛИТТ

Графиня Гизела
Прихоти любви
Семь нот любви
Огненная дева

ЕВГЕНИЯ МАРЛИТТ

Огненная дева

Москва
2016

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Гем)-44
М28

Eugenie Marlitt
DIE ZWEITE FRAU

Перевод с немецкого В. Зиновьева

Художественное оформление С. Ляха

Марлитт, Евгения.

М28

Огненная дева / Евгения Марлитт ; [пер. с нем. В. Е. Зиновьева]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Моя прекрасная леди. Романы Барбары Картленд и Евгении Марлитт).

ISBN 978-5-699-86330-3

Графиня Лиана, чтобы спасти свой знатный род, вынуждена выйти замуж за графа Майнау, который славится своей красотой и богатством. Однако с самого первого дня Лиана понимает, что никогда не полюбит графа. Но ради счастья близких девушка решает покориться судьбе..

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Гем)-44

© Зиновьев В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-86330-3

Глава 1

Над зеркальным прудом высоко-высоко в голубом и бездонном весеннем небе застыла неподвижная черная точка. В серебристой воде скользило множество рыб. Уединенный и безмолвный уголок. Но даже старые гигантские деревья, окаймлявшие зеркальные воды, не могли защитить их обитателей от крылатого хищника, который в любой миг мог, стремительно метнувшись за добычей, мгновенно нарушить веселую жизнь водяного царства. Сегодня, однако, он не решался спуститься, так как против обыкновения здесь собралось много людей — взрослые и дети. Последние кричали, шумели и играли пестрыми мячиками. Распряженные для отдыха лошади громко ржали, рыли копытами прибрежную землю. Сквозь верхушки деревьев неслись к небу легкие облачка дыма костров. Шум и дым не нравились крылатому хищнику, и он, вместо того чтобы спускаться, стал подниматься все выше и выше, пока совсем не скрылся. Точка в небе исчезла, растаяв в эфире...

На левом берегу пруда вдали от сutoлоки ютилась рыбацья деревенька — домиков восемь, разбросанных поодаль друг от друга, под тенью столетних лип,

Евения Маршнт

ветви которых спускались так низко, что соломенные крыши приходились как раз под нижними ветвями; южная сторона домиков окружена была кустами шиповника и боярышника, вдоль стен развешаны сети с сачками, а перед входными дверями стояли деревянные скамейки — все это резко выделялось на светлом фоне песка.

Напрасно ваш взгляд стал бы искать мощные фигуры рыбаков: их не было тут и следа. Хорошо было и то, что громадный парк с вековыми деревьями совершенно скрывал лежавшую за ним столицу; думалось, что находишься в патриархальном центре сельской жизни, пока не отворялась дверь одного из домиков.

Если бы германский герцог мог предвидеть, что из-за безвинного малого Трианона французская королева поплатится головой, то рыбацья деревенька, наверно, никогда не была бы построена. Но герцог не обладал даром предвидения, поэтому это прелестное поселение вот уже более ста лет стояло на берегу пруда, снаружи выглядя словно первобытная идиллия, внутри же вполне удовлетворяя всем прихотям избалованного роскошью человека. Стоило войти в один из домиков, и ваша нога тонула в богатейших пушистых коврах; мебель и стены были обиты тяжелыми шелковыми материями, простенки скрывались под зеркалами, хотя по наружности хижины и кокетничали бедностью и простотою. Но нельзя же было, на самом деле, обедать за белым крашеным столом, а тем

более отдыхать после упоительной игры на жесткой деревянной скамейке.

Герцогский дом, одному из владельцев которого рыбацья деревня была обязана своим существованием, строго придерживался старого обычая, по которому каждый наследник престола должен был посадить липу на восьмом году от рождения. Таким образом луг, раскинутый на левом берегу пруда и прозванный Майенфестом, сделался историческою знаменитостью, нечто вроде генеалогической таблицы. Случалось, что посаженная герцогскою рукою липа не принималась, но, в общем, Майенфест обладал поистине редкими экземплярами: вековые исполины, стволы которых покрыты были серо-зеленоватым мохом, точно панцирем, простирали длинные ветви над своими потомками и над слабыми деревцами, которые — увы! — и здесь встречались, несмотря на то что были посажены рукою герцогского сына.

Сегодня, в мае, наступила знаменательная очередь наследному принцу Фридриху. Само собою разумеется, двор и лояльная столица праздновали этот день по предписанному издавна обычаю. Были приглашены все дети лиц, принимавшихся во дворе; менее счастливые, не имевшие ни баронской, ни дворянской короны, тоже выехали со своими родителями, чтобы хоть издали видеть, как природный принц будет управляться с заступом. За Вагенбургом тянулось по дорогам и тропинкам множество народа, а молодые парни

Евения Маджитт

влезали на деревья, служившие, бесспорно, самыми лучшими наблюдательными пунктами.

Торжество было двойное. Полтора года тому назад умер владетельный герцог, отец наследного принца, и только сегодня вдова его, красавица герцогиня, сняла долго продолжавшийся траур.

Она стояла тут же, возле только что посаженной липки. При взгляде на нее нельзя было ни минуты сомневаться в том, что она здесь царица всего собрания. Она была вся в белом, только у пояса приколот бледно-розовый цветок шиповника, да от пунцовой подкладки маленького зонтика, который она держала над непокрытой головой, падала розоватая тень на ее лицо, на прямой, остренький, очень маленький носик и полные, хотя и бледные губы. Поразительно неправильные черты лица, густые, как грива, с синева-тым отливом волосы, легкая синева под глазами и тот восковой, безжизненный цвет лица, который так часто служит признаком страстной природы, придавали ее лицу красоту испанской креолки, хотя, разумеется, в жилах немецкой герцогини не было ни капли этой крови.

Она следила за полетом хищника так же внимательно, как и толпа детей, сопровождавшая восторженными криками его исчезновение.

— Ты опять не кричал с нами, Габриель, — сердито заметил маленький мальчик стоявшему около него другому, постарше, белое полотняное платье которого резко отличалось от изящных костюмов прочих детей.

Огненная дева

Мальчик не отвечал, а растерянно и смущенно опустил глаза, и это страшно рассердило младшего.

— Разве тебе не стыдно перед другими мальчиками, негодный мальчишка?.. Кричи сейчас ура! И мы тоже закричим, — приказывал и в то же время ободрял он.

Мальчик в белом платье тревожно отвернулся. Он пытался было уйти, как вдруг маленький мальчик с быстротою молнии приподнял свой хлыст и ударил им по лицу несчастного.

Остальные дети мигом разбежались, и дрожащий от гнева мальчик на несколько минут остался один. Это был идеально красивый ребенок, в изящном зеленом бархатном костюме, с чудными каштановыми локонами, полный силы и величия; наследный принц, брат его и вся их детская свита не могли бы с ним сравниться.

Бедная и испуганная наставница его поспешила к нему, но герцогиня предупредила ее и взяла его за руку, крепко сжатую в кулак.

— Это нехорошо, Лео, — сказала она, но в голосе слышалось более нежности, чем гнева.

Мальчик резко высвободил свою руку из нежной, бархатной руки герцогини и, бросив искоса взгляд на удалявшегося, побитого им товарища, повернулся на каблучке.

— Что ж такое, — ворчал он, — и поделом ему! Папа его тоже терпеть не может и говорит: «Этот трус боится даже собственного своего голоса».

Евения Маршитт

— Положим, что так, маленький упрямец; тогда для чего же ты настаиваешь, чтобы этот Габриель сопровождал тебя всюду? — спросила, улыбаясь, герцогиня.

— Потому... ну, потому, что я так хочу!

С этими словами Лео гордо поднял свою кудрявую головку и, повернувшись спиной ко всему обществу, как будто оно для него и не существовало, скрылся за одним из домиков. Он пошел в обход, чтобы достигнуть той старой липы, за которую спрятался обиженный им мальчик.

Бедняжка одиноко стоял, прислонившись к дереву. То был мальчик лет около тринадцати с выразительным, печальным лицом, худой, но со стройной, изящной фигуркой. Он намочил в пруду платок и приложил его к левой щеке, между тем как губы его нервно вздрагивали, быть может, менее от боли, какую причинил ему удар хлыстом, чем от внутреннего волнения.

Маленький Лео обошел вокруг него несколько раз, порывисто щелкая в воздухе хлыстом.

— Тебе очень больно? — спросил он вдруг коротко и резко, с мрачно сдвинутыми бровями и топнул ногой.

Габриель отнял от лица платок, чтобы снова смочить его водою, причем на щеке его обнаружился шедший поперек щеки красный рубец.

— О нет, — отвечал Габриель кротким, в высшей степени симпатичным голосом, — только жжет немного.

В одно мгновение хлыст очутился на земле, и с раздирающим душу криком Лео бросился на шею к Габриелю.

— Я слишком дурной мальчик! — воскликнул он. — Вон там лежит мой хлыст, Габриель, возьми его и прибей меня так же!

Прочие дети смотрели, разинув рот, на этот неожиданный порыв горького раскаяния. Герцогиня тоже была недалеко; должно быть, странное ощущение овладело ею, потому что она стремительно бросилась к ребенку, прижала его к сердцу и стала осыпать поцелуями его красивое лицо.

— Рауль! — едва слышно прошептала она.

— Ах, глупости! — проворчал мальчик, с силою освобождаясь из ее объятий. — Раулем зовут моего отца!

На бледных щеках герцогини вспыхнул яркий румянец, она выпрямилась и с минуту оставалась неподвижною, потом медленно повернула голову и робко и нерешительно оглянулась кругом; дамы, только что стоявшие неподалеку от нее, теперь исчезли за дверью ближайшего домика.

Глава 2

По дороге из столицы катился придворный экипаж; в глубине его сидел господин, а рядом с ним на голубых шелковых подушках лежали принадлежности для игры в крокет. Карета только что свернула на главную дорогу, пролегавшую вдоль пруда, как из

Евения Маршнт

чаши деревьев показался пешеход. Находившийся в карете господин тотчас же велел кучеру остановиться.

— Здравствуй, Майнау! — воскликнул он. — Не сердись на меня, если я замечу, что тебя ждут с замиранием сердца, а ты бродишь бог знает где!.. Липа уже давно стоит, и ты лишил дом Майнау возможности с гордостью передавать из рода в род предание, что твоя рука держала ствол липы в то время, когда Фридрих двадцать первый засыпал землей ее корни.

— За это когда-нибудь завесят мой портрет траурным флером.

Господин в экипаже засмеялся и, отворив дверцу, движением руки пригласил Майнау сесть в экипаж.

— Как! Сесть в карету, Рюдигер? Нет, благодарю покорно! — воскликнул с комическим ужасом Майнау. — Я, слава богу, еще не страдаю подагрой!.. Поезжай далее, с гордым сознанием исполненной тобою миссии! Ведь ты должен был привезти забытый крокет, счастливцу?

Рюдигер выскочил из экипажа, захлопнул дверцу и, приказав кучеру ехать вперед, пошел вместе с Майнау по тропинке, ведущей через парк к рыбацье деревне... Странно было видеть их вместе: приехавший в экипаже был маленьким, полным и чересчур подвижным; товарищ же его был очень высок, так что ему приходилось часто раздвигать нижние ветви деревьев, чтобы не задеть их головой. Этот человек обладал блестящей наружностью; в выразительном лице и во всех его движениях замечался какой-то демонический огонь,

Огненная дева

то кротко и мечтательно светившийся в его глазах, то через минуту заставлявший нежную, мягкую руку его сжиматься в кулак, точно она готовилась свалить на землю ненавистного противника. Своевольный мальчик, которого мы видели в рыбацкой деревне, был похож на него до смешного.

— Так пойдем! — сказал Рюдигер. — К несчастью, на обед сегодня мы не опоздаем ни в каком случае... брр!, детская кашка и пудинги во всевозможных видах!.. Выговора я также не боюсь, потому что я приведу тебя с собою... А кстати, ты дня на два уезжал, как собщиц твой Лео герцогине?

— Да, уезжал, достойнейший друг.

Этот лаконичный ответ звучал такою иронией, что у маленького подвижного господина вопрос «куда?» так и замер на губах... Они только что вышли из чащи, как перед ними открылся вид на спокойную поверхность пруда и рыбацкую деревеньку, расположенную по другую его сторону.

Под липами были расставлены покрытые белоснежными скатертями столы. Между ними и тем из домиков, в дверях которого был виден герцогский повар в белом колпаке, суетившийся у плиты, бегали взад и вперед официанты — готовился обед.

Взволновавшая всех сцена, разыгранная маленьким Лео, была давно забыта; дети играли в разные игры, и все способные бегать принимали участие в игре: и грациозные фрейлины, и стройные камер-юнкеры. И даже менее подвижные кавалеры, толстяки и

Евения Маршнт

страдающие одышкой обер-гофмейстеры ковыляли, похлопывая в ладоши, среди групп резвившихся детей.

Герцогиня подошла так близко к берегу пруда, что вода едва не касалась ее ног. Точно белоснежный лебедь, тихо колыхалось ее отражение в зеркале воды. Некоторые из приближенных дам принесли ей венок из дикого винограда и полевых цветов; он окружал ее лоб, спускаясь длинными зелеными гроздьями на ее роскошную фигуру.

— Офелия! — воскликнул барон Майнау вполголо-са и с патетическим жестом, и в тоне, с каким он это произнес, прозвучал бесконечный сарказм.

Спутник его заволновался.

— Ну, к чему это, ведь это чистая комедия, Майнау! — воскликнул он в негодовании. — Это может быть хорошо с дамами, которые трепещут перед тобой, как овечки, а не со мной.

Он заложил руки в карманы своего легкого пальто, поднял плечи и начал, лукаво улыбаясь:

— Однажды жили-были прекрасная, но бедная принцесса и блестящий, красивый молодой человек. Они любили друг друга, и ее высочество хотела откаться от своего высокого титула и сделаться простою баронессою... — Он на минуту умолк и бросил искоса взгляд на своего спутника, заметив, однако, как вдруг побледнел красавец барон и как, стиснув зубы, устремил такой жгучий взгляд в чашу, что, кажется, молодая листва должна бы от него поблекнуть, и просто-душно продолжал: — Вдруг является кузен принцессы,

владелец принц, и просит ее прекрасной руки. Много горьких слез было пролито чудными черными глазами, но под конец гордая кровь восторжествовала над страстью, и принцесса допустила возложить герцогскую корону на свои роскошные черные локоны... Положив руку на сердце, Майнау, — вдруг с живостью прервал он самого себя, — кто бы мог осудить ее тогда? Разве только глупые люди!

Майнау не положил руки на сердце и ничего не ответил; он гневно сорвал маленькую ветку, дерзнувшую коснуться его щеки, и далеко отбросил ее.

— Как должно биться сегодня ее сердце! — сказал Рюдигер после минутной паузы; он, видимо, желал во что бы то ни стало продлить интересный для него разговор. — Траур по мужу кончен; герцогская гордость удовлетворена навсегда, потому что она герцогиня и всегда останется матерью владетельного принца, ты тоже свободен от своих брачных уз. Обстоятельства так отлично складываются... и теперь ты меня не надуешь!.. Мы знаем, что сегодня должно произойти.

— Как же вы проникательны, подумать только! — воскликнул Майнау с притворным изумлением.

С этими словами они вышли на открытую поляну, где стояли экипажи. Не желая быть замеченными резвившимися детьми и толпой народа, наши друзья предпочли идти по тропинке, пролежавшей вдоль берега.

— Эй, мальч, с ума ты сошел! — воскликнул вдруг Майнау, схватив за шиворот здорового нищего маль-